

1928

Соблазн большого скачка

В ночь с 11 на 12 июля 1928 г. в кремлевской квартире Николая Бухарина состоялась его тайная встреча с уже исключенным из партии Львом Каменевым. Обсуждали невиданно обострившиеся экономические и общественно-политические проблемы советского режима. В результате срыва хлебозаготовок страна была на грани введения карточек. Троцкий со своими сторонниками был выслан в Алма-Ату. Шла последняя крупная внутривнутрипартийная баталия 1920-х годов — борьба с так называемым «правым уклоном». Сталинская программа форсированной индустриализации за счет ограбления деревни через принудительно создаваемые колхозы противостояла бухаринской идее сбалансированного развития индустриального и аграрного секторов на базе кооперации индивидуальных крестьянских хозяйств и «врастания» крестьянина в социализм.

Впоследствии Каменев записал основные моменты этого разговора. Бухарин дал свой прогноз развития событий в случае победы сталинского варианта — как для своих сторонников, так и для партии и страны в целом: «Мы считаем, что линия поведения Сталина ставит под опасность всю Революцию. Мы можем погибнуть вместе с ней. Существующие расхождения между нами и им неизмеримо серьезнее всех тех, какие мы имели в прошлом с вами... Вот уже несколько недель, как я не разговариваю со Сталиным. Это — беспринципный интриган, ни перед чем не останавливающийся, чтобы удержаться у власти. Он меняет теорию в зависимости от того, кто должен быть удален в настоящий момент... Он сейчас уступил, но чтобы лучше нас задуть. Мы это понимаем; он маневрирует с целью изобразить нас виновниками раскола...

Что касается его политической линии, то она такая: 1) капитализм рос либо за счет колоний, либо при помощи займов, либо в силу эксплуатации рабочего класса. Колоний у нас нет, займов нам не дают, стало быть, наша база: дань с крестьянства... 2) чем больше развивается социализм, тем сильнее крепнет сопротивление... 3) если на-

до взять дань и сопротивление будет возрастать, нужна твердая власть. Самокритика не должна касаться власти, а лишь исполнителей...

В результате получается полицейский режим. Теперь уже речь идет не о том, чтобы искать козлов отпущения, а решается, действительно, судьба революции. Все может погибнуть от таких теорий... Ночами я думаю иногда: "Имеем ли мы право молчать? Не недостаток ли это мужества?". Но прихожу к заключению: надо действовать осторожно. В пятницу доклад Рыкова. Мы поставим точку над "и". Я дам серию статей в "Правде". Нужно, чтобы партия поняла, куда он ведет ее... И в то же время колебания: следует ли выступать открыто или не следует? Если выступать, он задушит нас по вопросу о расколе. Если не выступать, он задушит нас хитрой шахматной игрой и отыграется на нас, свалив на нас ответственность, если не будет хлеба в октябре». На вопрос Каменева, на что Сталин рассчитывает, чтобы выполнить план по хлебозаготовкам, Бухарин ответил — «на возвращение к чрезвычайным мерам перед лицом повторяющихся затруднений». И подвел такой итог беседе: «И это — военный коммунизм и задушение».

В этой записи поразительны: во-первых, абсолютно адекватное понимание Бухариным сталинской партийной и экономической линии и ее последствий, во-вторых, «недостаток мужества», необходимого для противостояния «задушению», казалось бы, самого святого — революции. Священная корова партийного единства и трусливая боязнь раскола оказываются сильнее, чем перспектива собственной гибели и установления в стране «полицейского режима». Любимец партии «Бухарчик» готов (по крайней мере внутренне, что хорошо видно в каменевской записи) вернуться к «военному коммунизму», который Ленин в начале нэпа назвал «политикой, не отвечающей интересам диктатуры пролетариата». Так что же произошло с партией и страной за эти годы?

Как возник нэп

Конец Гражданской войны стал и концом закрепленных во второй программе партии (1919 год) военно-коммунистических методов строительства социализма путем тотального пршгудительного огосударствления всего и вся. Кровавая крестьянская война против советской власти в Сибири, Тамбовской и Воронежской губерниях, а затем и Кронштад-

тское восстание, в ходе которых выдвигались требования перевыборов Советов, свободы слова, печати и союзов, права крестьян свободно хозяйствовать, сигнализировали о необходимости смены курса.

Провозглашенная «новая экономическая политика», однако, новой была лишь частично. Беспощадное подавление восставших крестьян и матросов должно было наглядно показать, что отступления в политической сфере, в отличие от экономической, не будет. Спустя несколько месяцев после Кронштадта Ленин заявил по поводу церкви: «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они и не смели думать». Практика диктатуры пролетариата показала, что судьбу церкви разделило и все общество.

Пойти на уступки большевиков заставила крайне сложная обстановка в стране. Большевикам пришлось признать, что к экономическому и политическому кризису привела не только война, но и политика «военного коммунизма». «Разорение, нужда, обнищание» — так характеризовал сложившееся после окончания Гражданской войны положение В.И. Ленин. Действительно, к 1921 г. население России по сравнению с осенью 1917 г. сократилось более чем на 10 млн человек, а промышленное производство уменьшилось в 7 раз. В полнейшем упадке был транспорт, добыча угля и нефти находилась на уровне конца XIX в., резко сократились посевные площади, валовая продукция сельского хозяйства составляла 67% довоенного уровня. Народ был измучен. К тому же весной и летом 1921 г. в Поволжье разразился страшный голод. Он был спровоцирован не столько сильной засухой, сколько тем, что после конфискации излишков продукции осенью у крестьян не осталось ни зерна для посевов, ни желаний засеять и обрабатывать землю. От голода и болезней погибло почти пять миллионов человек.

На X съезде РКП(б) (Российской коммунистической партии большевиков) провозглашается переход к нэпу, а в качестве первого шага — замена продразверстки продовольственным налогом, который представлял процентное исчисление от урожая. Первоначально торговлю образовавшимися в результате этого излишками продуктов предполагалось разрешить только на местах, через аппарат народного комиссариата продовольствия и кооперацию. Но нехватка товаров, слабость кооперации и свирепствовавший голод заставили большевиков уже в сентябре разрешить свободную торговлю хлебом,

т. е. признать ранее начисто отрицавшуюся ими рыночную стихию. Ленин определил новый порядок как «госкапитализм в пролетарском государстве».

Современники — как русские, так и иностранные — понимали переходный характер начинавшегося периода, но по-разному определяли направление движения. Одни считали, что большевики, несмотря на утопичность своих социалистических целей, перейдя к нэпу, тем самым открыли дорогу эволюции экономики, а затем и политики к капитализму и демократии. Такого мнения придерживались как либералы-«сменовеховцы» (кадетский сборник 1921 г. «Смена вех»), так и меньшевики и эсеры. По-другому смотрели на нэп партийные теоретики в лице Ленина, Троцкого, Преображенского. Сначала они трактовали его как временное тактическое отступление, но с осени 1921 г. стали переходить к пониманию нэпа как своеобразного «окружного» пути к социализму — через сосуществование социалистического и буржуазного укладов и постепенное вытеснение первым второго, залогом чего было сохранение «командных высот» в политике, экономике и идеологии в руках большевиков. Часть большевистской партии и вовсе не приняла нэп, сочтя его «экономическим Брестом» и капитуляцией.

Ленин же настаивал на том, что разруха и общая технико-экономическая отсталость России позволяют строить социализм только постепенно, опираясь на «диктатуру пролетариата» в виде сложившегося в годы Гражданской войны государства-партии. Этот путь предлагал укрепление такого государства со всем его карательным аппаратом. Поэтому Ленин в 1921—1922 гг. требует «расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.». В соответствии с этой установкой в стране были ликвидированы последние остатки многопартийности, начались невиданные со времен римских императоров гонения на церковь, на знаменитом «философском пароходе» в 1922 г. были высланы виднейшие экономисты, социологи, философы и историки. Был существенно ужесточен и внутрипартийный режим. На том же X съезде партии вместе с решением о замене продрозверстки продналогом была принята и резолюция о запрещении фракционной деятельности, фактически упразднившая внутрипартийную демократию и свободную дискуссию.

Нэповская социально-политическая модель, как она сложилась к 1922г., предусматривала жесткий авторитарный режим в политике и

смешанную административно-рыночную модель в экономике при сохранении «командных высот» (т. е. крупной и части средней промышленности и торговли, железнодорожного транспорта) в руках государства. Но в такой комбинации изначально, уже «на входе» были заложены трудноразрешимые противоречия политики и экономики, плана и рынка.

Экономика в годы нэпа

Несмотря на краткий отпущенный нэпу срок — около восьми лет — внутри этого периода исследователи выделяют два хронологических отрезка (1921—1925; 1926—1928). Для первого характерны развитие экономической реформы и достижение ею пика при частичном реформировании политической системы, для второго — нарастание противоречий и свертывание нэпа, когда политика партии фактически возрождает военно-коммунистические тенденции. На первом движущей силой является экономика, на втором — ее корректирует политика. Водораздел 1925—1926 гг. связан как с затуханием революционной волны в мире и ослаблением надежд на помощь извне, так и с усилением внутренней напряженности: нарастанием политической активности крестьянства, внутрипартийной борьбой между Сталиным и Троцким за место вождя, различными оценками экономических перспектив нэпа со стороны партийных экономистов.

В 1921—1924 гг. проводятся реформы управления промышленностью, торговлей, кооперацией, кредитно-финансовой сферой. Была проведена денационализация мелкой, а отчасти и средней промышленности, в результате чего в руках государства осталась лишь треть ранее национализированных предприятий. Разрешается создание небольших частных предприятий с числом рабочих не более 20. Воссоздаются крупные ярмарки, открываются биржи. Допускается участие иностранного капитала в форме концессий, смешанных акционерных обществ и совместных предприятий. К 1927 г. работали 92 таких предприятия, преимущественно в горнодобывающей промышленности.

Возобновляется развитие разных форм кооперации, причем в плане налоговом, кредитном и снабженческом кооперативные предприятия были поставлены в более выгодные условия, чем частные, считаясь более «социально близкими» советской власти.

Все это потребовало отмены принудительного труда и введения рынка рабочей силы, реформирования системы заработной платы. Была введена тарифная система оплаты труда, отменены характерные для «военного коммунизма» натуральные пайки, трудовые мобилизации. Создается двухуровневая банковская система: Государственный банк и сеть кооперативных и местных коммунальных банков. Денежная эмиссия как источник доходов государственного бюджета заменяется сложной системой прямых и косвенных налогов (промысловый, подоходный, сельскохозяйственный, акцизы на товары массового потребления и т. д.). Налоговое бремя и на первом этапе было весомым (в 1925 г. — от 35 до 52% дохода в частном секторе), а на втором стало непомерно расти.

Денежная реформа 1922—1924 гг. ввела в стране твердую денежную единицу, обеспеченную золотом, — червонец, а вместо обесценившихся «совзнаков» — медные и серебряные рубли, которые в чулках и комодах старшего поколения дожили и до нашего времени — они были копией «настоящих» царских монет из высокопробного серебра. Червонец на западных биржах оценивали почти в пять долларов США (до 1926 г., когда торги по нему были прекращены).

Вместе с тем в руках государства оставались значительная часть промышленности, вся внешняя торговля, где большевики, как они выражались, сохранили за собой «командные высоты». Декретами Совнаркома в 1923 г. были определены новая структура и устав государственных промышленных предприятий (трестов) и государственной торговли (синдикатов). Они получили большую хозяйственную самостоятельность, их деятельность строилась на принципах хозрасчета и самоокупаемости.

Наиболее быстро приспособились к нэпу мелкая промышленность, розничная торговля и деревня. Более медленными темпами шло восстановление тяжелой промышленности. Но внедрение хозрасчета, материальной заинтересованности, реабилитация понятия прибыли все же дали свои плоды. После страшной засухи 1921-го и голодного 1922 гг. сельское хозяйство стало постепенно увеличивать свои объемы. К 1923 г. в основном были восстановлены дореволюционные посевные площади. В 1925 г. валовой сбор зерна почти на 20,7% превысил среднегодовой сбор наиболее удачного для России пятилетия 1909—1913 гг. К 1928 г. страна по основным экономическим показателям, в том числе и по национальному доходу, достигла довоенного уровня. Это создало ус-

ловия для некоторого улучшения материального положения рабочих, крестьян, служащих. Реальная заработная плата рабочих к 1925—1926 гг. в среднем составляла 93,7% их довоенного заработка. Продолжительность рабочего дня равнялась семи часам при шестидневной рабочей неделе.

Но с ходом времени обнаружились и проблемы. Эффективность нэповской экономики в целом была ниже дореволюционной. Почти 90% валовой продукции промышленности производилось госпредприятиями, но производительность труда на частных предприятиях была почти в два раза выше. Высокие темпы роста в первые годы нэпа во многом объяснялись «восстановительным эффектом»: в промышленности вновь начинало работать простаивавшее оборудование, в сельском хозяйстве вводились в оборот заброшенные ранее площади. Когда эти резервы стали иссякать, страна столкнулась с необходимостью огромных капиталовложений в промышленность. На иностранные инвестиции после отказа большевиков признать долги царского и Временного правительств рассчитывать не приходилось. Можно было бы попробовать привлечь частные капиталы, но тут потребовались бы определенные гарантии. Большевики пошли по пути усиления налогового пресса, повышения арендной платы и т. д. В середине 1920-х гг. был популярен анекдот про нэпмана, который на вопрос о том, как дела, отвечает: «Живу как картошка — если не съедят, то посадят, а если не посадят, так съедят».

Все это приводило к сворачиванию производства, нехватке промышленных товаров, увеличению цен, что, в свою очередь, тормозило рост жизненного уровня всех слоев населения. Серьезной проблемой была безработица. Жилищный вопрос, несмотря на проводимые в первые революционные годы «уплотнения буржуазии», не только не был решен, но и еще больше обострился. Городские квартиры превращались в многосемейные коммуналки, где, по словам известной песни Высоцкого, «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», вокруг городов росли рабочие поселки из бараков.

Главный узел проблем завязывался в деревне. Еще в 1921 г. Ленин сделал вывод, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах». Поскольку последняя явно откладывалась, а страну надо было поднимать из руин, большевики отказись от продразверстки, ввели нэп, признали особые интересы и права деревни. Земельный ко-

деке РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. Социалистическое, а по сути военно-коммунистическое земельное законодательство 1918—1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского Наказа партии эсеров в 1917 г., отраженными в знаменитом Декрете о земле.

Передача практически всех сельскохозяйственных земель в трудовое пользование крестьянства и уравнительное перераспределение земли означали, во-первых, «осереднячивание» крестьянских хозяйств, натурализацию производства, некоторое ослабление рыночных связей. Во-вторых, совершилось возрождение общины, которая в 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель. В известном смысле можно говорить вслед за экономистами 20-х гг. об «экономически реакционных» результатах аграрной революции в России, или — словами современных историков — об «архаизации» послереволюционной структуры общества. Однако при этом из аграрной структуры были устранены помещики (главные носители архаики), а крестьяне, возродившие общинную организацию, сами были уже далеко не архаичны. С переходом к нэпу возобновился процесс социального расслоения деревни, но уже как органический, без насильственной экспроприации бедных богатыми.

Россия подошла к 1917 г. с развитой системой кооперации и с идеей кооперативного будущего всей страны, особенно деревни. Русское общество и ученые-аграрники (Александр Чаянов и др.) в кооперации искали пути преодоления тех социальных трудностей, которые неизбежно сопровождают модернизацию экономики на основе индустриализации. Для аграрной страны особенно важной была возможность включения в рыночную экономику с помощью кооперации огромной массы мелких крестьянских хозяйств. Процесс кооперирования, по Чаянову, позволял, не разрушая мелкого семейного хозяйства, вычленив и организовать на началах крупного производства те отрасли или работы, где это давало несомненный экономический эффект. Создавалась такая система кооперативного хозяйства, где сами крестьяне — в своих интересах и в меру реальных возможностей — определяли степень и формы организации крупного общественного производства. Практика и до- и послереволюционного времени подтверждала высокие возможности кооперирования крестьянских хозяйств.

Правда, рост крупного товарного крестьянского хозяйства сдерживала государственная налоговая политика, всей тяжестью ложившаяся на зажиточных крестьян. Те, в свою очередь, пытались избежать фискального бремени, разделяя и искусственно уменьшая хозяйства — со всеми негативными последствиями для развития производства. Низкая товарность таких хозяйств не позволяла увеличивать объемы экспорта сельхозпродукции и, следовательно, импорта необходимого для модернизации промышленности оборудования. Образовывался порочный круг — повышение налогов в конечном итоге давало меньше дохода в бюджет.

Росла и политическая активность крестьян. В декабре 1923 г. уполномоченный ОГПУ по Павловскому уезду Воронежской губернии докладывал в губернский комитет РКП (б): «Во всем уезде крестьянство словно сговорилось, что Советы на 1924 г. должны быть без коммунистов. Перевыборы Советов прошли очень шумно, и тут кулацкий элемент проявил свою политическую физиономию... Масса с большим шумом и негодованием отказывалась от голосования за списки в целом... Поэтому списки эти везде голосовались по одному человеку в отдельности и бывали случаи провала избранных кандидатов... Коммунисты, кои еще не работали на постах, а также коих масса знает как своих и хороших товарищей, проходили при голосовании, а коммунисты, уже работавшие и занимавшие посты, проваливались...»

Здесь уже хорошо видна напряженность между монополизировавшими политическую власть на государственном уровне большевиками («коммунисты») и фактической сельской властью на местах. К этому противоречию добавлялось и то, о котором говорилось выше — раздел экономических ресурсов и бюджетных денег между контролируемой государством промышленностью и сельскими мелкими хозяйствами. На идеологическом языке той эпохи это называлось вопросом «спайки» города и деревни. И этот вопрос все более переходил в плоскость политическую.

Политика в годы нэпа

Сложившаяся в самом начале мирного периода однопартийная система была еще, по выражению Анны Ахматовой, сравнительно «вегета-

рианской». После окончания войны пошел на убыль террор. В 1922 г. были приняты Уголовный и Гражданский кодексы, проведена судебная реформа. Революционные трибуналы были упразднены, учреждалась адвокатура и прокуратура. Созданный в 1922 г. СССР юридически был федеративным государством, в котором за каждой из составлявших его суверенных республик сохранялось право выхода. Правда, поскольку реальная власть концентрировалась в руках местных партийных комитетов, а ключевые решения принимались высшими партийными инстанциями, то по сути это было, разумеется, унитарное государство.

Формально вся полнота политической власти в стране принадлежала Советам. Но фактически они ее не имели: в городе ею обладали партийные комитеты, в деревне, где сельские партийные ячейки были многочисленны, традиционные органы общинного самоуправления — мирские сходы. Больше всего большевики опасались, чтобы «государственный капитализм в пролетарском государстве» не вышел из рамок, «определенных ему пролетариатом», т. е. на деле — партией. В 1921 г. Центральный Комитет РКП (б) выступил против легализации крестьянских союзов.

Начались аресты эсеров и меньшевиков, а затем и политические процессы, на которых их представителей обвинили в «контрреволюционной террористической деятельности». В 1923—1924 гг. партия эсеров и отдельные меньшевистские организации объявили о самороспуске, хотя большевикам так и не удалось добиться официального заявления о роспуске всей партии. К середине 1920-х гг. остатки многопартийности были ликвидированы. Абсолютная монополия РКП (б) обосновывалась исторической необходимостью. С предельной ясностью эту доктрину сформулировал член ЦК и профсоюзный деятель Михаил Томский: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные — в тюрьме».

Усиливалась система карательных органов советского государства. В 1922 г. знаменитая ВЧК была преобразована в ГПУ (Государственное политическое управление) при НКВД (Народном комиссариате внутренних дел), а затем ОГПУ (Особое главное политическое управление) при Совете народных комиссаров СССР. На органы ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД возлагался широкий круг задач: борьба с деятельностью зарубежных спецслужб; ведение разведывательной рабо-

ты в зарубежных странах; выявление и пресечение любой деятельности против советской власти и государственного строя. Но главной их задачей было сохранение власти правящей партии, а следовательно — и своей власти.

Ужесточился контроль за интеллигенцией, разного рода ее съезды и всесоюзные совещания проводились только с разрешения ГПУ. В 1922 г. практически одновременно обрушились репрессии на Русскую православную церковь (более 20 тысяч священников, монахов и просто прихожан были сосланы или расстреляны), отплыл в Германию печально знаменитый «философский пароход», на Соловецких островах в Белом море возник «СЛОН» — первый лагерь политзаключенных, а в Москве — официальный цензурный орган при Наркомпросе (Главное управление по делам литературы и издательств). Конституция СССР 1924 г. закрепляла неравное представительство от рабочих и крестьян, а 15 категорий лиц были вообще лишены избирательных прав. Наряду с умалишенными, политических прав лишались лица, «прибегающие к наемному труду», «живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий», «частные торговцы», «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов», «служащие и агенты бывшей полиции», а также «члены царствовавшего в России дома».

Значительные перемены произошли и внутри самой партии. За время своего существования с 1903 г. она радикально изменилась. До 1917 г. это была подпольная организация профессиональных революционеров, чьей целью был захват власти. В 1917 г. она за короткое время сделалась массовой партией, хотя руководство ее и стремилось к заговорщицкому захвату власти. Во времена «военного коммунизма» партия стала государственным институтом, пытавшимся править с помощью вездесущего бюрократического аппарата. И только после окончания войны партия начала формироваться как государственная корпорация — партия-государство.

Наиболее значительные государственные решения принимались сначала Центральным Комитетом РКП(б). Но предварительно все они проходили обсуждение в более тесном кругу большевистских лидеров, руководящем органе партии Политическом бюро ЦК РКП(б), в состав которого в 1921 г. входили Зиновьев, Каменев, Ленин, Сталин, Троцкий, а также Бухарин, Калинин и Молотов в качестве кандидатов. И только после этого все вопросы закреплялись в решениях

государственных, т. е. советских, органов. Впрочем, и в числе руководителей государства были все те же имена: Ленин — председатель СНК; Калинин — председатель ВЦИК; Троцкий — народный комиссар по военным и морским делам; Сталин — народный комиссар по делам национальностей; Каменев — заместитель председателя СНК.

В 1922 г., после начала тяжелой болезни Ленина, в партии был создан пост генерального секретаря, на который был назначен Сталин. Он начал централизацию и бюрократизацию партии: структура парткомов различных уровней была унифицирована, во главе их поставлены освобожденные секретари, призванные заниматься исключительно партийной деятельностью и утверждавшиеся оргбюро ЦК РКП (б) во главе со Сталиным. Так начинает складываться своеобразная «технология власти», при которой утверждение на любой значимый пост в области государственного управления, хозяйства, культуры и т. п. является прерогативой соответствующих партийных органов (ЦК, обкомов, горкомов, райкомов). Этот слой получил название номенклатуры. Именно опираясь на него, Сталин начнет завоевание партийной и политической власти.

Немаловажную роль в утверждении сталинской диктатуры сыграл и установленный им контроль над карательными органами. Сущность советского политического режима неизбежно делала партийного вождя полным хозяином органов безопасности. Сталин еще при тяжело больном Ленине, используя свое положение, стал, по существу, единственным руководителем органов безопасности. Укрепление личной диктатуры Сталина и курс на форсирование темпов социалистического строительства оказывали решающее воздействие на деятельность ГПУ — ОГПУ — НКВД. Трудности и противоречия в ходе этого строительства усиливали стремление правящей партийной элиты все активнее использовать карательные органы в реализации намеченных планов. Большевицкий политический режим не смог бы существовать без репрессий, без широкого применения методов насилия в управлении страной.

Исподволь, опираясь на отдельные высказывания Ленина, Сталин начинает подменять центральную идею большевизма — идею мировой революции — на не менее эффектную теорию строительства социализма в одной, отдельно взятой стране. Более того, дав партии эту новую установку, позволяющую выпутаться-из щекотливой ситуации, когда пролетариат европейских стран не очень спешил совершать ми-

ровую социалистическую революцию, Сталин указал и на виновника этого неприятного положения — Троцкого с его теорией «перманентной революции». Согласно этой теории российская буржуазно-демократическая революция перерастет в социалистическую, которая, в свою очередь, станет прологом мировой революции.

Присвоив себе функции главного «блюстителя» ленинизма, насаждая культ Ленина, Сталин тем самым, с одной стороны, укреплял вождистские настроения в партии и обществе, с другой — как бы автоматически переносил на себя и ленинский авторитет и те его качества, которыми он сам не обладал. Врагами были объявлены: Троцкий, «троцкисты», оппозиционеры, которыми теперь были все те, кто не разделял взглядов Сталина и способов его действия. Умелая работа с кадрами и контроль над информацией позволяли подбирать нужных людей при выборах на губернские конференции и партийные съезды и дали Сталину важные преимущества в борьбе с противниками. Именно этими способами Сталин оттеснил в 1924 г. Троцкого, который претендовал на роль наследника Ленина. По утверждению Троцкого, в 1923 г., когда состояние здоровья Ленина ненадолго улучшилось, он предлагал ему союз против Сталина. Затем, в 1925—1926 г., Сталин избавился от Зиновьева и Каменева, и, наконец, раздавил «объединенных левых» в 1927 г. Сузив таким образом круг политических противников, он мог легко атаковать Бухарина и его союзников — Рыкова и Томского, отстранив их от власти как «правых уклонистов».

Оппоненты Сталина сопротивлялись. Но чем дальше — тем больше их голоса не встречали отклика в самой партии. За 1920-е гг. изменился состав партийцев. Массовые «ленинские призывы» увеличили число членов партии к 1927 г. до 1 млн 200 тысяч человек. Старые большевики с опытом подпольной борьбы и эмигрантским стажем составляли в ней всего 2%, люди с высшим образованием — 1%, со средним — 9%, с начальным — 63%. Бывшим пролетариям с крестьянскими корнями, солдатам и командирам Гражданской войны интеллектуально и психологически был ближе иерархически-командный сталинский стиль — по сравнению с «интеллигентскими» рассуждениями Бухарина.

Между тем жесткая система политической власти чем дальше, тем больше вступала в противоречие с многоукладной рыночной экономикой.

Кризисы нэпа

Проявилось это в нескольких острых экономических и политических кризисах. Первый из них разразился в 1923 г., когда стремление трестов получить максимальную прибыль вызвало повышение цен на промышленные товары. Деревне стало не по карману их покупать — следовательно, государство не получило денег на зарплату рабочим и служащим. В 1925 г. крестьяне предпочли продавать государству технические культуры по более высоким ценам, а не хлеб по низким. Это вызвало сокращение экспорта хлеба и, соответственно, импорта оборудования для новых заводов. Обострился «товарный голод», так как промышленность была не в состоянии удовлетворить спрос деревни на технически сложные товары. В обоих случаях из кризиса выходили за счет валютных резервов и понижения цен на промышленные товары. В 1925 г. государство получило дополнительный источник дохода, вновь введя монополию на водку — «рыковку» (по имени тогдашнего председателя советского правительства). Но в конце 1927 г. крестьяне опять отказались продавать хлеб по низким ценам. Вновь срывалось продовольственное снабжение городов и планы экспорта зерна и импорта оборудования. На этот раз власти начали репрессивную кампанию против крестьян, предъявив им обвинения по 107-й статье Уголовного кодекса РСФСР о спекуляции. На конфискации «излишков» и административный произвол деревня ответила сокращением посевных площадей, массовым забоем скота и выдвижением лозунгов «долой советскую власть», «за Советы без коммунистов».

По сведениям, поступавшим в ЦК, тамбовские зажиточные крестьяне говорили: «Умрем с голоду, власть хлеб отбирает, а нам ничего не дает. От власти нам хорошего не получить, надо находить выход самим. Пора опять братья за оружие». В Ярославской губернии бывший рабочий Путиловского завода, выступая на деревенском сходе, заявил: «Коммунисты должны поставить на своем съезде вопрос о свободе для всех политических группировок. Коммунисты, уйдите от руководства, вы разрушаете хозяйство, отдайте руководство тем, кто раньше хорошо руководил». В ответ на такие формы протеста в среде партийцев чрезвычайно популярным становится лозунг — «Отвинтить голову кулаку с пением Интернационала».

Столкнувшись с фактическим отсутствием необходимых для модернизации средств, большевистская власть уже с середины 1920-х гг.

попыталась решить эту проблему путем все большей централизации в руках государства финансовых и материальных ресурсов и ужесточения распределительной политики. Однако конкретные формы и методы корректировки экономического курса определились в результате сложной политико-идеологической борьбы среди партийных лидеров.

Главным предметом споров был вопрос о том, какие экономические рычаги может использовать государство для получения средств, необходимых для развития промышленности, в условиях, когда сельское хозяйство почти целиком находится в руках частных собственников и нет никакой перспективы получить иностранные кредиты?

В шумном хоре различных мнений постепенно определились две противоположные точки зрения. Первая была наиболее отчетливо сформулирована Е.А. Преображенским, крупным специалистом в области экономической и финансовой политики, возглавлявшим до 1927 г. финансовую комиссию ЦК РКП(б) и Совнаркома. Он заявил, что революция 1917 г. произошла в стране, в которой не было создано необходимой промышленной базы для претворения в жизнь социальных программ коммунизма. Все капиталистические страны создавали свою промышленность за счет средств, полученных от эксплуатации колоний. Социалистическую индустрию в советской стране можно создать только за счет эксплуатации «внутренней колонии» — крестьянской деревни.

Вторую точку зрения отстаивал Бухарин, тогда главный редактор основной партийной газеты «Правда». Он считал, что война с крестьянством чревата для Советского государства пагубными последствиями, как экономическими, так и политическими. Поэтому развитие экономики страны необходимо основывать на союзе с крестьянством, обеспечивая крестьянам возможность повышения производительности труда, организуя кооперативы, поддерживая формы рыночного обмена. В 1925 г. Н.И. Бухарин произнес свои знаменитые слова, обращенные к крестьянам: «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут».

Эти две конкурирующие программы не были лишь плодом теоретических, кабинетных изысканий их авторов. Они отражали противоречивую ситуацию, сложившуюся в стране. С одной стороны, стало зримо проявляться недовольство рабочих новым социальным неравенством, порожденным нэпом. С другой — предпринималась попытка

более полно учесть интересы крестьянства, из-за позиции которого в конечном счете и был начат нэп. Правда, большинство партийцев все же поддержало Преображенского, идеи которого взял на вооружение Сталин. В свою очередь, Бухарин, сдавая позиции под нажимом Сталина и сталинцев, все более отступал, переделывал свою первоначальную теорию нэпа и приближался к Преображенскому. Он соглашался, что государство должно прибегнуть к «некоторому давлению» с целью выжать из крестьян необходимый для индустриализации капитал, а когда события приняли более серьезный оборот, в 1928 г. допускал возможность «небольшого» принуждения. Это, по сути, был лишь смягченный вариант большевистского администрирования, а не углубление нэпа в сторону рынка. Реальная альтернатива была предложена знаменитым ученым-аграрником, профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии Александром Чаиновым, который в эти годы именно из-за нее подвергался все более и более резким нападкам в печати.

Еще в начале нэпа советские государственные лидеры и идеологи определили соответствующую стратегию в отношении села. Она исходила из понимания ими законов прогресса, масштабов экономического роста и капиталовложений, взаимосвязанных в логической последовательности. Общественный прогресс, по их мнению, определялся ростом промышленного производства и его механизацией. Крупные производственные единицы рассматривались как безусловно более эффективные, отвечавшие требованиям современной экономики. Естественно, перевод производства на путь, ведущий в светлое социалистическое будущее, увязывался прежде всего с укрупнением масштабов и увеличением капиталовложений. Расплачиваться за это приходилось крестьянам. Сущностные характеристики крестьянства, его мелкобуржуазный характер — мелкое, неиндустриальное хозяйство, а потому, в большевистской интерпретации, реакционное и утопическое — делали его исчезновение неизбежным и желательным для строителей нового общества. Раскрестьянивание стало, соответственно, надежным показателем прогресса и нарождающегося «прекрасного нового мира».

Несмотря на поразительную близорукость и доктринерство этой модели, она утвердилась в особенности благодаря качествам большевистских партийных кадров среднего и низшего звена, ставших стеновым хребтом советского государства-партии. По словам крупней-

шего современного социолога Теодора Шанина, «горькое разочарование нарастало у этой группы людей, загруженных плохо оплачиваемой работой и сталкивающимися с трудностями повседневного управления, которому они были плохо обучены, с нехваткой ресурсов и упрямством крестьян, тогда как требованиям "из центра" не видно было конца-края. Общее настроение советских чиновников низшего уровня, членов партийных и комсомольских ячеек на местах, впоследствии непосредственных коллективизаторов — это злобная убежденность в том, что крестьянам слишком хорошо живется. То же самое они чувствовали и в отношении российского образованного среднего класса (вернее, того, что от него осталось) — этих любителей длинных предложений, произносимых с чувством собственной важности, которые увековечивают бесконечные сомнения и красиво живут. Словесные увертки экспертов и осмотрительность ученых выглядели как неповиновение, если не как явный саботаж, тогда как каждый день требовал простых решений и революционной отваги, как в 1919 г. Времени было мало, трудностей много, могла начаться война, а коммунизм все еще далеко. Иллюзия возможности большого скачка с легкостью прельщала людей, привыкших во времена Гражданской войны и военного коммунизма к кавалерийским атакам и предвкушавших новый Иерусалим, который, как казалось, уже где-то здесь, за углом». А реальность нэпа была далека от ожидаемого.

«Тянет на воздух, но "на воздухе" убийства, грабежи и ад музыкально-вокальных звуков. Поют и играют в домах, на бульварах, во дворах, и больше всего — в бесчисленных кабаре, кафе, "уголках", ресторанах, чайных, столовых; в наших местах у Сухаревой по Сретенке в каждом доме какое-нибудь "заведение", а по переулкам "самогон". Самогон распивочно, самогон на вынос (4—5 млн бутылка)... На Кузнецком мосту и в Рядах, или на Тверской, на Петровке завелось много магазинов, по роскоши обстановки и товаров мало чем уступающих довоенным... На каждом шагу можно встретить и шикарную женщину, и франта по-европейски. Откуда-то явились и жирные фигуры, и красные носы. В газетах тысячи реклам о пьяных напитках, о гастрономии и об увеселениях самого легкого жанра. По содержанию этих реклам видно, что существует теперь и Яр и Стрельна, и всякие шантаны, только разве не под прежними названиями. Новые-то, пожалуй, оригинальнее. Что-то вроде "Не рыдай", или "Стоп-сигнал". Недавно разбирался процесс о содержательницах домов терпимости.

Значит, все "восстановилось". И стоило огород городить?» — такой виделась советская действительность лета 1922 г. глазами пожилого москвича-служащего (Окунев Н.П. Дневник москвича (1917—1924). Париж, 1990. С. 547).

Но дело было не только в этом. Мечта о «большом скачке» выражала и высвобождала потаенные амбиции нового поколения партийных активистов, которые вышли на арену слишком поздно, чтобы иметь революционные заслуги. Не было у них и достаточного образования, чтобы стать «спецами». Бравая армия сторонников и почитателей Сталина, партийцев низшего и среднего звена состояла в основном из крестьянских детей, рекрутированных через военную службу или комсомол. Ее типичный представитель — деревенский парень, выдвинутый комсомолом и не желающий после службы в армии возвращаться к повседневной канители в отцовском хозяйстве, имеющий лишь несколько классов школьного образования и овладевший минимумом марксистских фраз, но обладающий энергией и смекалкой.

Они были молоды, решительны, не очень грамотны и очень болезненно это переживали. Люди с таким складом ума больше всего ценят лояльность, послушание, строгий порядок и простые решения. Кроме того, революционный подъем только начинал достигать самых глухих уголков огромной страны и зажигать молодые сердца огнем нового мессианства и больших надежд. Наибольшее неудовольствие молодых кадров вызывали крестьяне (как им казалось, тупые и неповоротливые) и интеллигенты (слишком заумные). Чтобы повысить авторитет страны и самим продвинуться, им нужно было подчинить себе первых и заменить последних «верными товарищами» (в том числе из собственных рядов). Каждый уволенный «спец» или «вычищенный» «старый большевик» — это еще одно место на вершине власти, прежде недоступное. Сталинизм, по словам того же исследователя, для многих «был не столько капитуляцией перед страхом, сколько политической установкой, истинность, равно как и личная выгода которой ощущались интуитивно. Сочетание жесткого радикализма, всеобщего повиновения и карьеризма сформировала новые кадры коммунистической партии, новый тип социальной мобильности и новую политическую иерархию для будущего СССР».

Столкнувшись с новым политическим руководством, Чаянов изложил в полном объеме свои соображения относительно будущего советского сельского хозяйства в книге «Теория сельскохозяйственных ко-

оперативов» в 1927 г. Основная его идея состояла в следующем. Чаянов был согласен с тем, что крестьянское хозяйство и сельское общество СССР конца 1920-х гг. нуждались в реконструкции. Он соглашался и с формальными целями сталинской программы коллективизации, но предлагаемые методы считал неверными по всем параметрам. В соответствии со сталинской схемой увеличение размеров и механизация производственных единиц должны были гарантировать достижение высокой производительности труда и благосостояния на селе, а социальная справедливость и равноправие должны были наступить с уничтожением класса сельских эксплуататоров, т. е. кулаков.

Чаянов же утверждал, что укрупнение производственных единиц не ведет с необходимостью к росту сельскохозяйственного производства. Развивающееся общественное разделение труда в основном «принимает форму выделения и специализации какого-либо его аспекта и занятых в сельском хозяйстве при возможном избирательном увеличении размера производственной единицы и капиталовложений, отражая тем самым наилучшее использование ресурсов — "вертикальную" сегментацию, соответствующую дифференциальным оптимумам». В то же время укрупнение всех производственных единиц может снизить продуктивность в целом. «Только большое» так же плохо, как и «только малое», если речь идет о сельском хозяйстве. Кроме того, для крупномасштабных хозяйств, созданных в одночасье, на местах не нашлось бы руководителей, способных ими управлять, управленцев пришлось бы «импортировать», они не имели бы корней и специфического знания местных условий. Они были бы также полностью зависимы от государственного аппарата — бюрократического, чужеродного и репрессивного. Маловероятно, что эти новые управленцы на местах были бы в меньшей степени эксплуататорами, чем прежние «мироеды-кулаки». Крестьянское сопротивление политике и декларациям, противоречащим их собственному повседневному опыту, было бы ожесточенным и разрушительным для сельскохозяйственных ресурсов, которые коллективизация якобы стремилась приумножить.

Альтернативная программа Чаянова по преобразованию сельского хозяйства страны состояла в развитии смешанной кооперации снизу (он называл это «вертикальной кооперацией» и «кооперативной коллективизацией»). Программа основывалась на его исследованиях реального кооперативного движения в России в 1910—1914 и 1922—1928 гг. Кооперативное движение рассматривалось им как де-

мократическая альтернатива государственной централизации. Наилучшее решение проблемы увеличения производительности сельскохозяйственного труда в России, по мнению Чаянова, состояло в гибком сочетании крупных и малых производственных единиц, определяемом различными оптимальными размерами в каждой отдельной отрасли. Производством яиц, скажем, занимается семейное хозяйство, фуражом — вся деревня, лесным хозяйством — объединенные в одну производственную единицу несколько специализирующихся на этом деревень и т. п. Ученый поддерживал многоуровневое кооперативное движение, кооператив кооперативов, организованный «снизу» и развиваемый, а не управляемый государством.

Согласованная с крестьянским опытом, использующая крестьянские институты, широко открытая для крестьянской инициативы и притока кадров, эта программа была бы приемлемой для сельских обществ и способной собирать их силы для преобразования деревни. Важно, что программа Чаянова отражала социальную реальность. На протяжении 20-х гг. в советской деревне развивались и распространялись многочисленные кооперативные хозяйства. Организованные на основаниях, выработанных еще до революции, укорененные в местной почве благодаря замечательным приверженцам этой формы хозяйствования, тысячи кооперативов по снабжению, торговле, кредитованию и производству объединяли к 1928 г. более половины сельского населения. Сеть кооперативов продолжала расширяться, пока они не были выкорчеваны коллективизацией.

Массовость распространения кооперативов, а также авторитет Чаянова объясняют, почему именно его вариант стратегии преобразований на селе был принят бухаринским крылом руководства партии и включен в первоначальный вариант плана первой пятилетки (подготовленный под руководством экономиста Громана и отклоненный Сталиным в пользу собственного варианта с его совершенно фантастическими цифрами).

Корректировка плана произошла потому, что в 1927—1928 гг. режим столкнулся с двумя серьезными затруднениями. Во-первых, любое давление на крестьян лишь ухудшало кризисную ситуацию с хлебозаготовками, ведь именно в ответ на «товарный голод» 1927 г. деревня немедленно сократила производство для рынка. Во-вторых, уже началась первая пятилетка с ее ускоренными темпами, в то время как чаяновская ставка на постепенный рост кооперации и рынка потребовала бы

неопределенно долгого времени, не гарантируя при этом твердых количественных результатов. Казалось, что делать такую ставку рискованно, а физическое принуждение крестьянства методами военного коммунизма выглядело надежнее. Воспользовавшись очередным кризисом нэпа, Сталин в 1929 г. объявил о «великом переломе», о «наступлении социализма по всему фронту» и ускоренном превращении СССР в великую промышленную державу. Как замечательно выразился член ЦК и ленинградский партийный вождь Киров, любимец рядовых партийцев, «технически, может быть, и нельзя, а по-большевистски мы сделаем».

И они «сделали»

Сталинская модернизация в виде знаменитого «большого скачка» в развитии тяжелой промышленности и сплошной коллективизации деревни была куплена слишком дорогой ценой. Его результатом были отставание других отраслей экономики, прежде всего легкой промышленности и сельского хозяйства; сверхцентрализация и предельное ограничение сферы деятельности рыночных механизмов; полное подчинение производителя государству и все более широкое применения мер внеэкономического принуждения и насилия, повлекшего за собой многомиллионные жертвы. Наконец, была подорвана главная производительная сила и богатство деревни — крестьянское умение и желание работать.

Вот что писали в 1929 г. уральские крестьяне в газету «Правда»: «.. Вы сто миллионов крестьянства опозорили — далее некуда. Во время хлебных заготовок что не проделывали: плевали в глаза, бороду дергали — все не опишешь. Вам уже некого стало грабить, вы набросились на трудового крестьянина. Ведь народ отошел не от советской власти, а от дурных поступков. Кто не шел в коммуну, отбирали книжки общепотребительские, налагали по 200—300 руб. целевые. Социализм и коммунизм затеяли еще рано, когда настроете машин, тогда может поскорее все будет. Пишете закрепить колхозы, что это за слово «закрепить»? Это разве времена Екатерины великой, которая писала, чтобы люди не переходили от помещика к помещику? ...Вы с намерением делаете все это, чтобы подорвать советскую власть. Еще предупреждаем, будем воевать другой раз, но уже не так, как воевали. Вы сделайте по всей России машинные товарищества, они самые

подходящие для крестьян и для государства. Весь народ в машинные товарищества пойдет охотно, и весь секрет: народ забудет скоро все обиды. Еще просим взять власть у несознательного элемента и дать ее честным середнякам, тогда Россия будет спасена от страшной беды, которая уже над головой. Мы все партизаны, да здравствует трудовая крестьянская советская власть, да здравствует свободный народ.

...Дорогой редактор, к тебе великая просьба, мы все партизаны Верхнетеченского района, деревни Анпоговой, спаси Россию пока не поздно, у нас не хватает более терпенья».

В стране утвердилась командно-мобилизационная хозяйственная модель, ставшая экономической основой тоталитарного режима. Произошло то, о чем предупреждали в 1925—1927 г. Чаянов и Бухарин: сталинская программа коллективизации «во имя прогресса» фактически сломала социальную силу крестьян, «перекачала» их ресурсы в индустриальное строительство, в армию и на нужды государственно-партийного аппарата, который многое воспринял в своих действиях по отношению к крестьянам от раннего колониализма в его самых тяжелых и неэффективных формах.

Но если бы в 1928 г. у Бухарина и других оппозиционеров хватило духу стать гражданами, а не рабами партдисциплины... то, может быть, в народе не возникло бы такого объяснения названия ВКП(б) — «Второе Крепостное Право (большевиков)».

Подробнее на эту тему:

Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Пшпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.

Горинов М.М. НЭП: поиски модели развития. М., 1990.

Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.

НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

Цакунов С.В. В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994.

Шанин Т. Три смерти Александра Чаянова // Социологические исследования. 1995, № 1; или

<http://www.yabloko.ru/themes/History/Shanin/3-deaths-of-chaynov.htm/>